

Проблема конгруэнтности в христианском общении

Т.П. Гаврилова,

кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории научных основ психологического консультирования и психотерапии, ФГНУ «Психологический институт» Российской академии образования, Москва, Россия, tatpg9@rambler.ru

Раскрываются возможные подходы к трактовке феномена конгруэнтности и ее проекции в христианской общине. Конгруэнтность рассматривается как внутриличностная и межличностная. Совпадение и несовпадение внутриличностной и межличностной конгруэнтности зависят от степени интеграции личности человека, его отношения к себе и к другому, владения навыками общения, готовности поддерживать контакт или вступать в диалог. В статье подчеркивается значение интеграции личности и аутентичности христианина для его продвижения по пути духовного роста. Выделенные типы верующих, различающиеся по характеру реагирования на грехи других людей, анализируются с точки зрения конгруэнтности/неконгруэнтности в аспекте личностной интеграции/дезинтеграции.

Ключевые слова: конгруэнтность, обретение Я, гуманистическая психология, личностная и межличностная конгруэнтность, грех, осуждение, прощение.

Для цитаты:

Гаврилова Т.П. Проблема конгруэнтности в христианском общении [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Gavrilova.phtml> дата обращения: дд.мм.гггг

Gavrilova T.P. Congruence problem in Christian communication Jelektronnyj resurs «Psihologicheskaja nauka i obrazovanie psyedu.ru», E-journal «Psychological Science and Education psyedu.ru», 2014. no. 1. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/1/Gavrilova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Конгруэнтность как важнейший аспект межличностного общения до настоящего времени в психологии почти не исследована, хотя понятие «конгруэнтность» широко используется в психологической практике. Конгруэнтность в общении чаще всего понимается как адекватность поведения человека во взаимодействии с другим, уважение его автономии, принятие во внимание его индивидуально-личностных особенностей, его состояний и переживаний. Тот, кто конгруэнтен в общении, умеет быть с другим, быть в другом, оставаясь самим собой.

Представляется весьма актуальным рассмотрение феномена конгруэнтности в христианском общении – в общении верующих в храме (община, приход), в их дружеском и семейном общении, а также в духовно ориентированной практике (консультирование, психотерапия). Особого внимания заслуживает то, как верующие помогают друг другу в исправлении грехов и насколько им удается быть при этом конгруэнтными.

Идея конгруэнтности привнесена в мировую психологическую практику К. Роджерсом – основоположником нового «человекоцентрированного» подхода в психотерапии и консультировании. К. Роджерс – один из авторитетнейших представителей гуманистической психологии и практики, возникшей в ответ на недоверие западной цивилизации, ее государственных и общественных институтов к человеку.

Человекоцентрированный подход рассматривает человека с точки зрения его потенциала к изменению, доверяет его конструктивному движению к самореализации.

С точки зрения человекоцентрированного подхода, человек, изменяясь, становится тем, кто в этом подходе называется полноценно функционирующей личностью, что почти полностью совпадает с представлением о личностной зрелости другого крупного психолога – Г. Олпорта.

В трактовке Г. Олпорта зрелость личности тождественна нормальности, здоровью. Тот, кто достиг личностной зрелости, обладает расширенным чувством Я, принимает и понимает себя и других людей, воспринимает, думает и действует в согласии с внешней реальностью, способен к самообъективации, живет в гармонии с единой философией жизни [8, с. 353].

Концепция Г. Олпорта не претендовала на оформленную теорию, и тем не менее в 50-х гг. XX в. такое понимание природы личности было уже значительным прорывом в видении человека как свободного, развивающегося, открытого другим людям.

Любые рассуждения о «личности» – в философии, психологии, богословии – затрудняют взаимопонимание в дискуссии, поскольку это понятие «плывет». Личность трактуется почти безгранично: это и человеческая идентичность, и человек во всей полноте, и принцип существования, и субъект жизнедеятельности, и тот, кто способен любить и быть свободным, и тот, кем человеку предстоит стать, и т. п.

Если свести многообразие психологических, философских и богословских определений личности к чему-то единому, то окажется, что личность – это уникальный индивид с его уникальным внутренним миром. Именно об этом идет речь, когда говорят о личностном подходе и трактовке самых разных феноменов. Понятие личности «плывет» и у Олпорта, и у Роджерса, но и тот, и другой достаточно уверенно выделяют ее главный сущностный признак – свободу и способность человека к развитию.

По мнению автора данной статьи, целям исследования и различным видам практики соответствует понимание личности как прижизненно сформированного образования разной степени интегрированности с особенностью его функционирования и онтогенеза. Такое понимание личности соответствует утвердившемуся в отечественной психологии представлению о личности как иерархии мотивов и потребностей, опосредованных ценностями и смыслами человека, субъективно представленной человеку как Я, Я-образ и Я-концепция. Ценности, смыслы человека, степень его личностной интеграции определяют вектор его развития.

Человек с интегрированной личностью открыт своему опыту, принимает себя и других людей, мир вокруг. Он достаточно честен перед собой, чтобы увидеть противоречия в своих мотивах и потребностях, смыслах и ценностях, он способен сделать многое, для того чтобы изменяться, обладает выстроенной идентичностью, тождествен сам себе (аутентичен). Такой человек делает свой выбор и несет за него ответственность. Он умеет сотрудничать с людьми, не допускает, чтобы группа подчиняла его и не поступается принципами из-за страха остаться в одиночестве.

Человека с дезинтегрированной личностью вслед за известным психологом К. Хорни можно назвать «невротической личностью нашего времени». Конституирующим признаком «невротика» К. Хорни считала наличие внутреннего конфликта. «Невротик» оберегает свое Я от психологического дискомфорта, вызванного внутренним конфликтом, защищает его различными способами и тем самым делает его недоступным для самопознания [13].

«Невротик» не тождествен сам себе: в нем живет как бы несколько плохо сочетающихся с собой, но тем не менее хорошо знакомых ему людей, и то один, то другой, то

третий выступает субъектом его поведения и переживаний, чаще всего не согласующихся между собой.

По заповедям Христа живет только тот, кто духовно целен и здоров. «Стань самим собой», – убеждал верующего митрополит Антоний Сурожский. «На Страшном Суде тебя не спросят, был ли ты Святым Петром, тебя спросят, был ли ты Петей» [1, с. 110]. От раздробленного к цельному, от цельного к целому, духовно здоровому – так двигается и развивается христианин, чтобы полноту обрести во Христе [2]. Христос призывает верующего отвергнуть себя, но не того, кто создан по образу и подобию Божию, а самовольного, неспособного слышать Его голос. Данная Богом свобода воли делает верующего творцом своей судьбы перед лицом Бога и с Его помощью.

Митрополит Антоний убежден, что верующий человек слышит голос Бога в своей глубине, но в глубину надо еще «вмолчаться». Чтобы это произошло, «невротик» предстоит выйти из подполья, где он лелеет прошлые обиды и боли. «Невротик» не волен в своем грехе, перед его защитами кончается его свободная воля, поскольку защиты стали его «психологической кожей». Он не может покаяться в своих грехах, так как неосознанно полагает, что другие ответственны за то, что он стал таким.

«Невротик» отказывается от ценности Я. Не «потому, что я это выбрал», а «так надо». Он отдает свою волю не Богу, а человеку в лице священника, старца, группы, которой принадлежит (приходу, общине). Он не пытается стать осознанным христианином и воспринимает установления Церкви, поучения святых как догму, даже если они таковыми не являются.

Самоуничтожение «невротик» отождествляет со смирением, нередко искажает смысл заповедей в свою пользу. Отвергая ценность своего Я, он не может отречься от своего эгоцентризма. «Будьте как дети», призывает Христос, но «невротик» не подобен ребенку – он еще не стал взрослым. Это взрослый несет в себе ребенка, доверяя миру, сохраняя и поддерживая в себе радость цельности и свободы.

Ценность и смысл движения к целостности на своем опыте пережили те, кто встретились с К. Роджерсом и его учениками, были участниками в руководимых ими группах. Им многое открылось. Оказалось, что общность «Мы» как высшее коллективное начало в представлении советских людей, какими они были тогда, достигается, если каждый участник взаимодействия сознает свою отдельность, автономность, признает и уважает отдельности и автономности другого.

В группах встреч участники узнали, каким может быть безоценочное общение людей между собой, поняли, как надо слушать и слышать друг друга. Работа в группах стала для участников мощным стимулом самопознания и изменения каждого из них. Не случайно встреча с К. Роджерсом многих участников его групп привела к Богу. Участники групп соприкоснулись с самой сутью человекоцентрированного подхода, убедились в том, что эмпатия, безоценочное принятие, конгруэнтность – основные принципы и концепты теории и практики Роджерса – обеспечивают эффективность психологической помощи.

Однако природа этих явлений осталась в достаточной мере непроясненной. В наибольшей степени это относится к понятию «конгруэнтность». Несомненно, есть научная потребность исследовать этот феномен во всей его сложности.

Автору статьи посчастливилось первым в России в 1988 г. переводить тексты Роджерса, которые он назвал своими «важными открытиями» [11]. Особенно важно, что это произошло сразу после участия в роджерсианской группе, на волне глубоких и ярких переживаний. То, что К. Роджерс назвал своими открытиями, было открытием и для того, кто оставался один на один с его текстом, чтобы увидеть его уже на родном языке.

«Общаясь с людьми, я понял, что не смогу им помочь, если я буду тем, что не есть я... Мне кажется, что большинство ошибок в моей профессиональной жизни, когда я не мог помочь другим людям, связано со стремлением проявляться противоположно тому, что я чувствовал. Я понял, что у меня все получается лучше, когда я могу с принятием прислушиваться к себе и быть самим собой... Я становлюсь более адекватным, когда позволяю себе быть тем, что я есть, когда принимаю себя, я изменяюсь. Мы не можем изменяться, не можем продвигаться, если не примем себя такими, какие мы есть.

... Я осознал огромную ценность того, что я позволяю себе понимать другого человека. Мы редко позволяем себе понимать, что означают слова другого человека для него самого... Это происходит потому, что в понимании другого есть определенный риск... это понимание может изменить меня. Я доверяю своим переживаниям. По мере того, как я доверяю своим целостным реакциям, я понимаю, что могу доверять им направлять мое размышление. Я знаю, что они бывают ошибочны, но они ошибаются меньше, чем мой рефлексивный разум» [11, с. 70–80].

Среди открытий К. Роджерса есть такие, которые могут шокировать тех, кто мало знаком с его подходом. Прежде всего – как можно изменяться, если ты принимаешь себя? Разве, желая изменяться, человек не отрицает себя? На самом деле у взрослого и зрелого так и происходит: он изменяется, а не кто-то в нем. Отвергая свои установки и привычные паттерны, он тем не менее остается собой. Важность понимания другого означает для К. Роджерса, что человек в мире другого может открыть что-то столь новое для себя, чего он не знал ранее. Только если человек свободен, он может идти на риск открытия для себя мира другого – принимая и желая понять его. Главное открытие К. Роджерса, поставившее его в ряд самых авторитетных фигур мировой психотерапии – это свобода, бесстрашие самопознания, открытость миру и людям. Для К. Роджерса быть конгруэнтным означает быть в полной мере собой «для себя» и «для другого». Для себя – принимать свои реакции, переживания, мысли, свои противоречия. Принимая это, К. Роджерс изменяется, он регулирует внутренний мир, не подавляя ничего в себе, оставаясь спонтанным в направлении того, что для него важно в данную минуту. Когда он работает, ему важнее всего другой, которому нужно помочь. Конгруэнтность психотерапевта может быть понята как неискаженное проживание, осознание и выражение им вовне своего опыта.

А.Б. Орлов предлагает рассмотреть различные комбинации соотношения эмпатичности и конгруэнтности: их полного совпадения, эмпатичности и относительной конгруэнтности, конгруэнтности и относительной неэмпатичности. Он подчеркивает, что эмпатия и конгруэнтность не кентавры, как полагали тогда некоторые исследователи эмпатии (эмпатическая конгруэнтность и конгруэнтная эмпатия), наряду с безусловным принятием конгруэнтность и эмпатия самостоятельные и необходимые условия эффективной психотерапии [9].

Учитывая все вышесказанное о феномене конгруэнтности, нам представляется целесообразным выделить два вида конгруэнтности: внутриличностную и межличностную. К *внутриличностной конгруэнтности* следует отнести ту форму, которая была достаточно полно описана К. Роджерсом. Межличностная, не столь очевидная, фактически им только упомянута, но не описана. Имеет смысл под *межличностной конгруэнтностью* понимать соответствие переживаемого психотерапевтом тому, что происходит с клиентом и что психотерапевт воспринял и осознал эмпатически.

Соответствие внутриличностной конгруэнтности межличностной свидетельствует об аутентичности психотерапевта, целостности его личности – о принятии им себя и другого, готовности изменяться самому и помогать измениться другому, способности пойти на риск понимания другого.

Возможны ситуации, когда человек конгруэнтен внутренне, совпадает со своим внутренним миром, регулирует свои переживания и состояния, но неконгруэнтен в межличностном взаимодействии. Это происходит, если человек недостаточно понимает другого, если он видит нежелание партнера раскрываться, если его предыдущий опыт общения с этим человеком был отрицательным, если участники общения находятся в разных статусах и т. п.

Межличностная конгруэнтность может подменяться определенными коммуникативными навыками, когда техники общения скрывают то, что один участник общения манипулирует другим, а доброжелательность и принятие лишь изображаются. Люди, обладающие даром эмпатии как чисто когнитивным умением, легко входят в мир другого и достигают в общении того, к чему стремятся.

Чем более человек дезинтегрирован, тем более вероятно, что он чаще всего не конгруэнтен ни в общении с другими людьми, ни с самим собой. Внутренне неконгруэнтен тот, кто не слышит собственного голоса, стремится быть тем, что он не есть, не знает, что он переживает на самом деле.

Правомерность различия внутриличностной и межличностной конгруэнтности и их соотношения находит свое подтверждение в различии М. Бахтиным монолога и диалога в психологическом анализе этих форм взаимодействия людей. Одна из особенностей человеческого сознания – его диалогичность. Человек находится в постоянном общении с самим собой, но, чтобы обрести свою целостность, ему необходим другой. Диалог – не только речевая коммуникация, это экзистенциальное событие, когда два человека преодолевают отчужденность друг от друга, вступают в равные взаимоотношения, когда происходит напряженное взаимодействие их смысловых позиций.

В монологическом обращении к другому человек закрыт, его смысловые границы строго очерчены, во взаимодействии с другим он остается самим собой, но не может (или не хочет) выйти за эти пределы. Взаимодействие с другим будет только речевой коммуникацией, хотя, может быть, грамотно выстроенной и имитирующей диалог.

Для того чтобы вступить с человеком в диалог, нужно отказаться от попытки объективировать собеседника, навязать свое видение его внутреннего мира, его личностных особенностей. Путь к другому лежит не через знания, а вопреки знаниям [12, с. 35–36]. Не это ли имеет в виду Апостол Павел, когда говорит, что «знание надмевает, а любовь назидает» (1 Кор. 8.1). Христианское общение в его истинной сущности, несомненно, в полном смысле диалогично. Между экзистенциализмом и христианским видением мира нет непреодолимых перегородок, каждое идет своим путем к пониманию человека и к постижению истины, лежащей в основе всего мироздания.

Только любви или одного только знания о человеке недостаточно, чтобы помочь ему, когда он согрешает. Полнота помощи ближнему в спасении достигается состраданием к нему, проникновением в природу его греха, пониманием того, что с ним происходит, таким обращением, в котором и слово, и интонация другого проникнуты заботой о нем. «Соединяй познание и любовь и тогда будешь духовным строителем, без гордости наставляющим себя и всех приближающихся к тебе», – поучает христиан преп. Максим Исповедник [7, с. 85].

Г.И. Шиманский, автор популярного в дореволюционной России учебника «Нравственное богословие», по сей день не утратившего своего дидактического значения, описывает различные виды греха [14]. Христианство исходит из постулата, что грех, по словам Святителя Иоанна Златоуста, есть не что иное, как действие против воли Божией. Человек склонен к греху в силу падшести своей природы, различных искушений, которым он не в силах противиться. Человек сопротивляется греху, если он крепок в вере, хочет спасти свою душу, осознает свои помыслы и действия, способен управлять собой. Тяжесть греха определяется тем, насколько человек отдален от Бога и от людей, поглощен собой, не

различает добра и зла. Христианин обязан следить, не склонен ли он к нарушениям и неисполнениям заповедей. К этому типу грехов относится пренебрежение христианина своими обязанностями, а также дарованными ему талантами.

Как бы ни был тяжок его грех, сам человек не подлежит осуждению. «Не судите и не будете осуждены, прощайте и прощены будете. Будьте милосердны, как Отец ваш милосерд», – проповедует Христос (Лк. 6.36-37). «Если видишь грешащего брата твоего, не уходи от него стремительно, или осудив, или отчаявшись, – учит свт. Григорий Богослов, – покажи себя, пока можно, смиренным. Частью исправь брата, и при том кротко и человеколюбиво, не как враг или немилосердный врач. Если брат в первый раз воспротивится, потерпи великодушно, если во второй – не теряй надежды, но в третий – не отступай <...> Ты помазан духовным миром ... сообщи ему свое благоухание» [3, с. 336–337]. «Не безрассудно ли, – вопрошает свт. Иоанн Златоуст, – быть строгими судьями, если мы сами обременены грехами, “превышающими всякое помилование”? Кто строго взыскивает со своих собратьев, с того гораздо более строго взыщет Бог» [4, с. 270]. «Ты хочешь порицать? – возглашает свт. Иоанн, – предлагаю тебе для этого полезный предмет. Ты хочешь злословить? Злословь свои грехи. Если ты будешь порицателем другого, ты будешь наказан, а если себя самого, то будешь увенчан. Подлинно нет такого врачевства для искупления своих грехов, как непрестанное вспоминание о них и осуждение» [5, с. 331–334].

«Лицемер! Вынь прежде бревно из своего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего», – наставляет верующих Христос (Мф. 7.5). «Молись о грешнике, – убеждает св. Исаак Сирианин, – чтобы уподобиться Христу, который не гневался на них, а молился за них». Святой Исаак Сирианин призывает верующего накрыть грешника «плащом любви своей» [6].

Свт. Лука в толковании на молитву св. Ефрема Сирина разъясняет естественное сомнение верующих, можно ли любить людей, «которые истязают нас: воров, бандитов, насильников, которые творят нам великое зло. Любить их чистой полной любовью невозможно, но жалеть их возможно, сокрушаясь сердцем, что эти несчастные люди на пути гибели. Если не будем проклинать этих людей, исполним закон Христов даже по отношению к ним» [10, с. 25].

При безупречной и ясной, казалось бы, позиции Церкви в отношении к греху и грешащему, у верующего возникает много вопросов, особенно у тех, кто воцерковился уже будучи взрослым и принес с собой свои привычные установки и представления. Как относиться к человеку, если какие-то стороны его личности и поведения противоречат моим принципам? Если я психолог, выученный понимать людей, входить в их мотивы и потребности, и вижу их такими, какие они есть, и выказываю это, я осуждаю? Если я отношусь к человеку нейтрально и критикую его, это осуждение? А если он именно таков, каким я его вижу? Оценивать и выносить суждение объективно – это грех?

Не имея четкого ответа на эти вопросы, автор данной статьи попросил ответить на вопрос: «Как надо относиться к греху и что значит осуждать?» десять респондентов – это были женщины с гуманитарным образованием, в основном психологи, со стажем церковной жизни не менее 10 лет.

Большинство опрошенных единодушны в том, что осуждать – значит превозноситься, ставить себя выше того, о ком говорится критически, брать на себя роль Бога, надмеваться своей добродетелью; т. е. кто осуждает людей, делает это чаще всего за спиной, разжигая своих собеседников на осуждение. Осуждающие не умеют прямо высказывать человеку то, что думают о нем, поскольку эта критика – без любви и чаще всего деструктивная. Нельзя помочь другому, если видишь его как отрицательно завершеного и фактически отвергаешь его как личность.

Истинный христианин простит ближнего, даже если грех направлен против него, он постарается увидеть грех в контексте судьбы грешника, условий его жизни и, желая его спасения, постарается указать ему на грех так, как учит молитва оптинских старцев: «Прямо и разумно, не огорчая и не смущая». Такой человек признает за собой право говорить грешащему о нем, зная, что и тот признает за ним это право. Это право дается связанностью общим делом – миссионерством, волонтерством, ответственностью за другого – крестников, детей, внуков, учеников, а также дружбой, родственными отношениями любви, опытом жизни и духовным авторитетом.

Общаясь с верующими, анализируя их выступления в СМИ, на симпозиумах и конференциях, нельзя не обратить внимания на довольно широкий круг верующих, далеких от евангелического способа реагирования на грехи как ближних своих, так и дальних.

Есть тип верующих, которые признают за собой право на осуждение и греха, и грешника. Они полагают, что этим способствуют утверждению добра в мире. Ни злоречие в адрес грешащих, ни отвержение их они в вину себе не ставят. Как правило, верующие этого типа доминантны, отличаются явными лидерскими тенденциями, потребностью влиять на окружающих. По-видимому, самоутверждаясь таким способом, они и решают свои личные проблемы.

В Церкви немало людей, у которых священники усматривают страсть осуждения. Верующие этого типа нетерпимы к любому инакомыслию с сильной установкой враждебности (которую нельзя исключить и у осуждающих по «праву»). Они везде склонны находить врагов Церкви и Бога (в Церкви, в СМИ, в собственных семьях). Тяжесть грехов они определяют по какой-то собственной шкале. Обличение грешника они понимают не как свидетельство, а как клеймение его как преступника. Назначение Церкви «страстно осуждающие» видят в брани со злом, дьяволом, антихристом. Похоже, что и антихриста они назначат сами, а Христос для них – не милосердный Бог, а воин с мечом, вышедший на битву со злом и призывающий верующих идти за Ним. Видимо, страстью осуждения эти люди надеются снискать милость Божию.

Среди склонных к осуждению есть еще одна категория верующих с готовностью осуждения греха и грешника. Обычно они самолюбивы и либо с трудом переносят успехи других (завистливы), либо чувствительны к отвержению, а потому обидчивы и гневливы. Они искренне переживают свою недостойность и готовы работать с психологами, видя взаимосвязь грехов со своими неразрешенными проблемами.

Среди воцерковленных христиан и среди обычных людей немало тех, кто старается не выносить своих суждений о людях, их поступках, даже неблагоприятных. Можно думать, что за этим кроется нежелание видеть людей такими, какие они есть, высказывать им свои оценки, чтобы, отвечая на их конфликтные действия, не оказаться втянутыми в конфликт – может быть, острый и длительный.

Верующие, избегающие встречи с подлинной природой человека, объясняют это незнанием его подлинных мотивов, поскольку его помыслы открыты только Богу. «Не нашего ума дело – глубоко заглядывать в человека», – говорят они.

Нередко можно услышать от верующих, что надо не осуждать грех и грешника, а прощать. Обычно в таких случаях за готовностью прощать скрывается страх осуждения, нежелание утратить репутацию терпимого, любящего человека. В личной ситуации предательства, унижения потерпевшие спрячутся за видимостью великодушия. Как будто не им сказал Христос: «Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобой и им одним; если послушает, то приобрел ты брата своего. Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось

всякое слово. Если же не послушает их, скажи Церкви, а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь» (Мф. 18.15–17).

Обличение грешника предполагает свободу, ответственность верующих за свои действия, за себя и за своего ближнего, чтобы наставить его на путь спасения. Так верующий проявляет свою любовь к нему. «Боящийся несовершенен в любви» (1 Ин. 4.8). Несовершенство в любви «боящегося» в том, что он не только оберегает себя от греха ближнего, но и будет себя оберегать «от его бед», если тому потребуется его поддержка и помощь.

Как видно, ни страстно осуждающие, ни боящиеся осуждения не конгруэнтны ни внутрилично, ни в отношениях между людьми. Их реакция на грехи коренится в особенностях их личности, степени дезинтеграции, и до тех пор, пока они не осознают этого, их духовная ситуация останется для них непроясненной.

Адресат наблюдений и размышлений автора – христианский психолог, взявший на себя нелегкий и ответственный путь помощи верующим. Они не выучены христианской любви по гуманистическим лекалам, а идут «тесными вратами», чтобы обрести полноту веры, и тогда любовь к ближнему станет для них формой жизни и условием спасения.

Автору хотелось донести до читателя важность обретения человеком своего Я, без чего невозможно стать сознательным верующим, достойным своего назначения помогать тем, кто доверяет нам и нуждается в нас.

Литература

1. *Антоний Сурожский, митр.* Человек перед Богом. М.: Паломник, 2000. 383 с.
2. *Гаврилова Т.П.* Интеграция личности как цель помощи верующим // Московский психотерапевтический журнал. 2007. № 3. С. 110–128.
3. *Григорий Богослов, св.* Алфавит Духовный. М.: Издат-во православного братства Иоанна Богослова, 2005. 603 с.
4. *Иоанн Златоуст, свт.* Наставления православному христианину. М.: Оранта, 2009. 383 с.
5. *Иоанн Златоуст, свт.* Увещаю вас, возлюбленные. Избранные беседы. М.: Отчий дом, 2008. 679 с.
6. *Исаак Сириин, св.* Подвижнические наставления // Добротолюбие: В 4 т. Т. 2. М.: Артос-Медиа, 2008. 933 с.
7. *Максим Исповедник, преп.* Главы о любви. СПб.: Образ, 1991. 94 с.
8. *Олпорт Г.* Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 461 с.
9. *Орлов А.Б.* Человекоцентрированный подход в психотерапии // Основные направления современной психотерапии / Под ред. А.М. Боковикова. М.: Когито-Центр, 2000. С. 268–300.
10. *Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий).* Толкование на молитву святого Ефрема Сирина. Сибирская Благовонница, 2010. 28 с.
11. *Роджерс К.* Несколько важных открытий // Гаврилова Т.П. Учитель и семья школьника. М.: Знание, 1988. С. 70–80.
12. *Топольская Т.А.* О понятии «диалог» в психологических исследованиях и консультативной практике // Консультативная психология и психотерапия. 2012. №1. С. 34–63.

13. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Издат. группа «Прогресс», 1993. 479 с.

14. *Шиманский Г.И.* Нравственное богословие. Киев: О-во любителей православной литературы, Издат-во им. свт. Льва, папы Римского, 2005. 670 с.

Congruence problem in Christian communication

T.P. Gavrilova,

PhD in Psychology, Senior Research Associate, Laboratory of Scientific Foundations of Counseling and Psychotherapy, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

We reveal possible approaches to the interpretation of the congruence phenomenon and its projection in the Christian community. Congruence is regarded as intrapersonal and interpersonal feature. Matching and mismatching of intrapersonal and interpersonal congruence depends on the degree of integration of human personality, his attitude towards himself and others, communication skills, willingness to maintain contact or to engage in dialogue. The article emphasizes the importance of integration of Christian personality and authenticity for his progress towards spiritual growth. These types of religious persons differ in the nature of response to the sins of others, are analyzed in terms of congruence / incongruence and personality integration / disintegration.

Keywords: congruence, self-invention, humanistic psychology, personal and interpersonal congruence, sin, condemnation, forgiveness,

References

1. *Antonij Surozhskij, mitr.* Chelovek pered Bogom [Man before God]. Moscow: Palomnik, 2000. 383 p.
2. *Gavrilova T.P.* Integracija lichnosti kak cel' pomoshhi verujushhim [Integration of personality as the goal assistance to believers]. *Moskovskij psihoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow psychotherapeutic Journal]. 2007. №3. P.110-128.
3. *Grigorij Bogoslov, svt.* Alfavit Duhovnyj [Spiritual alphabet]. – Moscow: Publ. pravoslavnogo bratstva Ioanna Bogoslova, 2005. 603 p.
4. *Ioann Zlatoust, svt.* Nastavlenija pravoslavnomu hristianinu [Orthodox Christian teachings]. Moscow: Oranta, 2009. 383 p.
5. *Ioann Zlatoust, svt.* Uveshhevaju vas, vozljublennye. Izbrannye besedy [Exhort you, my beloved. Selected interviews]. Moscow: Otchij dom, 2008. 679 p.
6. *Isaak Sirin, sv.* Podvizhniicheskie nastavlenija [Aascetic teachings]. Dobrotoljubie [Philokalia]. T.2 Moscow: Artos-Media, 2008. 933 p.
7. *Maksim Ispovednik, prep.* Glavy o ljubvi [Chapters on Love]. Sankt-Peterburg: Obraz, 1991. 94 p.
8. *Olport G.* Stanovlenie lichnosti. Izbrannye Trudy [The formation of personality. Selected Works]. Moscow: Smysl, 2002. 461 p.
9. *Orlov A.B.* Chelovekocentrirovannyj podhod v psihoterapii [Person-centered approach to psychotherapy]. Osnovnye napravlenija sovremennoj psihoterapii [Main directions of modern psychotherapy]. Moscow: Kogito-Centr, 2000. P. 268–300.
10. *Rodzhers K.* Neskol'ko vazhnyh otkrytij [Several important discoveries]. Gavrilova T.P. Uchitel' i sem'ja shkol'nika [Teacher and schoolchild family]. Moscow: Znanie, 1988. P. 70-80.

11. *Topol'skaja T.A.* O ponjatii «dialog» v psihologicheskikh issledovanijah i konsul'tativnoj praktike [On the concept of "dialogue" in psychological research and advisory practice]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija [Counseling Psychology and Psychotherapy]*. 2012. №1. P. 34-63.

12. *Horni K.* Nevroticheskaja lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz [Neurotic personality of our time. Introspection]. Moscow: Izdatel'skaja gruppa «Progress», 1993. 479 p.

13. *Shimanskij G.I.* Nravstvennoe bogoslovie[Moral Theology] . Kiev: Obshhestvo ljubitelej pravoslavnoj literatury, Izdatel'stvo im. svt. L'va, papy Rimskogo, 2005. 670 p.